

Максимова Т. Г. «Документальность» сборника «Dans la steppe» в интерпретации С. Перского / Т. Г. Максимова // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 191—200. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-191-200.

Maksimova, T. G. (2018). "Documentality" of the Collection "Dans la Steppe" in S. Persky's Interpretation. *Nauchnyy dialog*, 7: 191-200. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-191-200. (In Russ.).

УДК 821.161.1Горький.03=133.1+82-821+821.133.1Persky412

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-191-200

«Документальность» сборника «Dans la steppe» в интерпретации С. Перского

© Максимова Татьяна Геннадьевна (2018), orcid.org/0000-0002-2241-3135, аспирант кафедры русской литературы, ассистент кафедры зарубежной лингвистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), maksimova.fr@mail.ru.

Статья посвящена анализу французского сборника «Dans la steppe» (1902), составленного и переведенного С. М. Перским, в который вошли следующие ранние рассказы М. Горького: «В степи», «Дед Архип и Ленька», «Песнь о Соколе», «Емельян Пиляй», «Хан и его сын», «Зазубрина», «Макар Чудра», «Двадцать шесть и одна», «Старуха Изергиль». Уделяется внимание предисловию сборника, написанному Перским, в котором он называет факты из жизни писателя, тем самым обосновывая выбор рассказов и характеризуя основную черту стиля ранних рассказов М. Горького, проявляющуюся в синтезе документального и художественного, а именно в описании «автобиографического» пространства, важной составляющей которого является образ степи. Автор статьи останавливается на трех наиболее показательных в данном аспекте рассказах: «В степи», «Дед Архип и Ленька», «Емельян Пиляй». Автор приходит к выводу, что Перским решаются две основные задачи: во-первых, составитель сборника знакомит читателя с фактами биографии Горького, во-вторых, характеризует авторский стиль, отражающий трансформации документального в художественное. Показано, что сборник, включающий в себя выстроенные в определенной последовательности рассказы, представляет собой историю о поиске писателем своего места в жизни.

Ключевые слова: документальность; М. Горький; С. М. Перский; предисловие; образ степи.

1. Вопрос о документальности

В современном литературоведении, по мнению многих исследователей и литературных критиков, таких как А. Адамович [Адамович, 1966],

С. Великовский [Великовский, 1966], И. Винниченко [Винниченко, 1966], Л. Гинзбург [Гинзбург, 1966], И. Мерас [Мерас, 1966], П. Палиевский [Палиевский, 1966], Н. Павлова [Павлова, 1966], И. Янская и В. Кардин [Янская и др., 1986], вопрос о таком явлении, как «документальность», остается до конца нерешенным. Так, по мнению А. М. Адамовича, «документальность — это и жанр, но это и стиль, неоднородный, но чрезвычайно созвучный нашему времени» [Адамович, 1966]. В свою очередь В. С. Муравьев считает, что документальность — это «художественная проза, исследующая исторические события и явления общественной жизни путем анализа документальных материалов, воспроизводимых целиком, частично или в изложении. Сводя к минимуму творческий вымысел, документальное своеобразно использует художественный синтез, отбирая реальные факты, которые сами по себе обладают значительными социально-типическими свойствами» [Муравьев, 2003]. П. В. Куприяновский предлагает разграничивать понятие документальности как достоверности публикуемого материала и документальности как средства создания художественного образа [Куприяновский, 1972].

Таким образом, документальность в художественной литературе является основой и способом творческой обработки факта, определяющего стиль художественного произведения, используемый автором в целях реализации творческого замысла. Документальность проявляется, во-первых, на уровне системы образов и обработки жизненного материала в сюжете, воссоздающих образ реального лица, невыдуманного события, конкретного места и времени действия; во-вторых, обозначена введением в произведение различного рода документов, выполняющих художественные функции. Документальный материал, модифицированный писателем, показывает путь художественного домысливания, организующего повествование [Максимкина, 2007].

2. Французский сборник «Dans la steppe» и предисловие С. Перского

В решении вопроса об использовании документа особую сложность представляет анализ французского сборника «Dans la steppe» (1902), составленного С. М. Перским. В нем автор, выступая в роли составителя и переводчика, объединяет следующие ранние рассказы М. Горького: «В степи», «Дед Архип и Ленька», «Песнь о Соколе», «Емельян Пиляй», «Хан и его сын», «Зазубрина», «Макар Чудра», «Двадцать шесть и одна», «Старуха Изергиль» [Persky, 1918]. Сборник предваряет предисловие (впервые переведенное нами с целью введения его в научный оборот), содержащее

факты из биографии Горького, взятые Перским из журнала «Семья» № 35 за 1899 год, которые определяют выбор переводчиком соответствующих рассказов. Из содержания предисловия становится ясно, что одним из мотивов включения рассказов в сборник является то, что, по мнению Перского, в каждом из них отразились факты биографии писателя времени хождения Пешкова по Руси в конце 90-х годов. Кроме того, переводчик и составитель путем подбора текстов представил своеобразие стиля Горького-художника, обратив внимание французского читателя на важную роль образа степи — «автобиографического» пространства, где разворачиваются события рассказов.

3. Синтез документального и художественного

Изображение степи является неотъемлемой частью повествования: на фоне степного пейзажа разворачивается действие, герои и рассказчик «соединены» пребыванием в степи, пустынное пространство вызывает персонажей на откровенность. Однако в каждом из рассказов образ степи по-разному вписан в модель повествования. Здесь любопытна реализация специфики описания места и времени на основе синтеза документального (а именно образ жизни М. Горького и бродяг, босяков, с которыми он был знаком) и художественного (авторский стиль). Особенности стиля ранних рассказов Горького, в котором осуществлен синтез документального и художественного, рассмотрим на примере анализа трех рассказов, наиболее показательных в этом отношении: «В степи», «Дед Архип и Ленка», «Емельян Пиляй».

4. Анализ рассказа «В степи»

Так, в основу первого рассказа французского сборника «В степи» (его название стало и названием сборника) положен реальный факт, который сообщил писателю «сосед по больничной койке» [Горький, 1968, т. 3, с. 563]. В связи с этим образ степи становится полифункциональным: во-первых, это характеристика реального пространства-времени, во-вторых, символическое воплощение философского плана содержания, в-третьих, способ представления точки зрения автора-повествователя. Рассмотрим последовательность создания Горьким образа степи, обратив внимание на соотношение точек зрения субъектов речи в повествовании, которое начинается с представления трёх «случайных товарищей»: солдата, студента, рассказчика, а образ степи становится своеобразным мерилем нравственности каждого из них. Экспозиционная часть рассказа организована

вокруг неявного противопоставления образа людей и степи за счет употребления местоимения *нас*, которое использует рассказчик: «Вокруг нас во все стороны богатырским размахом распростерлась степь» [Горький, 1968, т. 3, с. 175]. *Нас* одновременно объединяет персонажей, но и фиксирует «богатырский размах» пространства, ощущаемый героями, занятыми поисками еды, стремящимися удовлетворить голод любыми, далеко не «богатырскими» способами. В следующих абзацах этот контраст усиливается: общению персонажей контрастно противопоставлено молчание степи: «но степь была *пуста, безмолвна*» [Горький, 1968, т. 3, с. 177]. «Так, глотая голодную слюну, мы шли *пустынной, безмолвной* степью...» [Горький, 1968, т. 3, с. 177]. В данном случае повтор призван подчеркнуть идейно-эмоционально значимую деталь, имеющую отношение не к характеристике степи, а к созданию образа безысходного отчаяния голодных людей.

По мере развития сюжета образ степи, молчаливого участника событий, меняется. В дела человека вмешивается закон природы — вечер и ночь сменяются утром: утро открыло тайну преступления. Примечательно, что и в этом фрагменте степь опять «безмолвна и пустынна», однако молчание степи уже не осознается враждебным по отношению к рассказчику. Вслушиваясь в это молчание, он почти верит в то, что «всякое черное и несправедливое дело казалось невозможным среди великого простора этой свободной равнины, покрытой голубым куполом небес» [Горький, 1968, т. 3, с. 185]. Смысловую значимость в приведенной фразе приобретает выражение *казалось*. Оно определяет движение лирического сюжета за пределы описанной ситуации, выражая робкую надежду рассказчика на возможность обретения человеком той внутренней гармонии, тайна которой скрыта в радостном молчании утренней степи.

5. Анализ рассказа «Дед Архип и Ленька»

В аспекте «степной» тематики заслуживает несомненного внимания рассказ М. Горького «Дед Архип и Ленька». Здесь повествование ведется от третьего лица, повествователь словно наблюдает за своими героями, давая характеристику их отношения к жизни через образ степи. Описывая душевное состояние деда Архипа, автор прибегает к частому повторению слова *тоска*. Образ степи передан Горьким посредством неперсонифицированного монолога деда, в котором автор вербализует субъективное восприятие враждебности громадной, безмолвной, сожженной солнцем равнины, отнимавшей у него жизненную силу. Причина этой враждебности раскрывается в обобщенной фразе, завершающей характеристику

восприятия: «Ему бы хотелось умереть далеко, не здесь, а на родине...» [Горький, 1968, т. 1, с. 55]. В восприятии деда соединяются два пространства — «свое» и «чужое», причем образ «своего» пространства не имеет четких контуров, и только в одной фразе разговора деда Архипа с казаком появляется образ России: там «тараканы с голода мрут». В ходе развертывания сюжета образ другого пространства, связанный с образом деда Архипа, создается Горьким за счет включения в «зону» повествователя речевых «зон» персонажей — Архипа и Леньки в виде форм косвенной речи или несобственно прямой речи, а также в виде рассеянного разноречия (фрагментов фраз, характерных словечек, свойственных персонажу). Это фрагмент рассказа, в котором Ленька характеризует слова деда, подвергая их негативной оценке. На самом деле (фактически) дед говорит о том, «чего нигде и никогда не было... Говорит, что в России на улицах мрет народ, да так и валяется, и убрать некому, потому что все люди обалдели от голода...» [Горький, 1968, т. 1, с. 61]. Из соотнесения этих «зон» выявляется авторское отношение к изображенным автором героям.

Если для восприятия степи дедом характерно противопоставление «своего» и «чужого» пространства, основанного на неприятии настоящего, то для Леньки степь — это пространство, позволяющее ему заглянуть в будущее. Поэтому, создавая образ степи в восприятии Леньки, Горький ставит акцент на направлении взгляда ребенка — вперед: «Днем, идя по ней, он любил смотреть вперед, туда, где свод неба опирается на ее широкую грудь» [Горький, 1968, т. 1, с. 70], вводя во внутренний монолог героя образ материнства, рожденный отождествлением плодородия степи с материнской грудью. Его детское воображение рисует «чудные города, населенные невиданными им добрыми людьми» [Горький, 1968, т. 1, с. 70]. Таким образом, Горький, создавая два различных образа степи, представляет нам двух главных персонажей с разным отношением к жизни. Для ребенка степь и жизнь прекрасны, деньги не играют важной роли, в свою очередь, для старика палящее солнце степи губительно, так как нужны силы, чтобы накопить денег, даже путем воровства. Конфликт поколений отражен в восприятии степи автором-повествователем, отличным от восприятия ее героями: «Уже настала ночь, взошла луна, и ее молочносеребристый свет, обливая ровное степное пространство, сделал его как бы уже, чем оно было днем, уже и еще пустынной, грустнее» [Горький, 1968, т. 1, с. 69—70]. Затем, после громких слов Леньки, упрекнувшего деда в воровстве: «Не будет тебе на том свете прощенья за это!» [Горький, 1968, т. 1, с. 72], — Горький создает персонифицированный образ степи, живо реагирующей на вспышку гнева Леньки: «Вдруг вся степь всколых-

нулась... Грянул удар грома и, рожоча, покотился над степью...» [Горький, 1968, т. 1, с. 72]. После слов деда Архипа: «Не прошу... Семь лет я тебя нянчил!.. Все для тебя... Господи! Наказал ты меня!.. Рукой ребенка убил ты меня!..», степь также моментально реагирует на происходящее: «Удары грома, сотрясая степь и небо... Раздираемое молниями небо дрожало, дрожала и степь...» [Горький, 1968, т. 1, с. 73]. Итак, мотив грозы в степи актуализирует тему духовного кризиса всех субъектов повествования и служит символическим преддверием жизненного переворота, коренных изменений в судьбах героев, смерти деда и Леньки.

6. Анализ рассказа «Емельян Пиляй»

Совершенно иной образ степи создан в рассказе «Емельян Пиляй». Повествование ведется от первого лица, автобиографического героя, товарища и спутника Емельяна Пиляя. Образ степи передан словами рассказчика, характеризующего внутреннее спокойствие Емельяна: «Емельян протянулся на песке головою в степь и ногами к морю, и волны, набегая на берег и мягко шумя, мыли его голые и грязные ноги. Жмурясь от солнца, он то потягивался, как кот, то сдвигался ниже к морю, и тогда волна окатывала его чуть не до плеч. Это ему нравилось» [Горький, 1968, т. 1, с. 34]. Использование выражения *мы с ним* нужно, чтобы передать физиологическое состояние голода, которое испытывает каждый персонаж. Однако затем рассказчик противопоставляет свое душевное состояние состоянию Емельяна, которому, как уже отмечалось, нравилась степь. В монологических высказываниях рассказчика доминирует преимущественно негативная лексика: «Я взглянул в сторону гавани, где возвышался лес мачт, окутанных клубами тяжелого черно-сизого дыма... Я не усмотрел там ничего, что бы возродило нашу угасшую надежду на заработок...» [Горький, 1968, т. 1, с. 34]. Рассказчик торопит Емельяна идти «на соль», но тот не спешит, зная, что «на соли этой тоже толку не будет» [Горький, 1968, т. 1, с. 35]. Неоднократно рассказчик подчеркивает внешнее спокойствие Пиляя: «Он встал... и юмористически оглядел пустые руки...» [Горький, 1968, т. 1, с. 35]. Затем противопоставление *я* — *он* заменяется на *мы*, и образ степи предстает в иной тональности, маркированной употреблением определений с положительной коннотацией: «Мы пошли берегом... ноги вязли в мягком песке, перемешанном с раковинами, мелодично шуршавшими от мягких ударов набегавших волн <...> С моря набегал славный свежий ветерок, опаживал нас прохладой и летел в степь» [Горький, 1968, т. 1, с. 35—36]. За внешним спокойствием Емельяна скрывается уныние, которое замечает рассказчик. Стараясь развлечь его, он просит что-нибудь рассказать. Однако раздраже-

ние Емельяна сильно нарастало, и наконец он разозлился, выплеснув свое негодование на двух чабанов, Михаила и Никиту. Если в начале рассказа восприятие степи Емельяном было положительным, то теперь он сам негативно характеризует ее, обращаясь к Михаилу: «Аль потерял душу-то, шляясь по степи?» [Горький, 1968, т. 1, с. 39]. Его досада проявляется и в описании поступков персонажа: «Он швырнул в море попавшийся под ногу кусок дерева...» [Горький, 1968, т. 1, с. 38]. Каждая деталь подчеркивает эмоциональное и физическое истощение Емельяна, противопоставляя его рассказчику. Развитие конфликта и смена настроений Емельяна представлены Горьким в созданном образе природы, возвращающей персонажу его привычное состояние спокойствия, вызванное тем, что наконец-то голод был удовлетворен. Этот образ гармонии разделяет с Емельяном и рассказчик: «Вечерело. <...> А в степи, там, далеко-далеко на краю ее, раскинулся громадный пурпуровый веер лучей заката и красил землю и небо так мягко и нежно. Волны бились о берег, море — тут розоватое, там — темно-синее — было дивно красиво и мощно» [Горький, 1968, т. 1, с. 40]. Именно в этот момент Емельян начинает рассказывать историю о своем неудавшемся преступлении. Когда Емельян доходит до передачи разговора с Павлом Петровичем об Обаимове, которого Емельян хотел обокрасть, образ степи в восприятии рассказчика меняется: «В степи было тихо, грустно, и непрерывно лившийся с моря ласковый плеск волн как-то еще более оттенял своим монотонным и мягким звуком эту грусть и тишину» [Горький, 1968, т. 1, с. 42]. Слушатель сопереживает герою, проявляя свои чувства, свое восприятие степи. Рассказчик успокаивается после услышанной истории Емельяна о встрече с девушкой: «Подавленный странностью рассказа, я молчал и смотрел на море, похожее на чью-то громадную грудь, ровно и глубоко дышавшую в крепком сне» [Горький, 1968, т. 1, с. 44]. Когда история была окончена, наступила тишина и умиротворение: «Он замолчал и растянулся на земле, закинув руки под голову и глядя на небо — бархатное и звездное. И кругом все молчало. Шум прибоя стал еще мягче, тише, он долетал до нас слабым, сонным вздохом» [Горький, 1968, т. 1, с. 45]. Пейзажные зарисовки, играющие важную роль в структуре повествования, способствуют раскрытию психоэмоционального состояния героев, проявляющегося в их восприятии образа степи.

7. Заключение

Итак, Перский, объединив указанные выше рассказы в сборнике «Dans la steppe», решает две основные задачи. Он знакомит читателя с фактами

биографии Горького, одновременно показывая читателю итоги их художественной трансформации. Выстроенные в определенной последовательности рассказы представляют собой повесть о сложных поисках самим автором своего места в жизни, своеобразную метафору которой представляет на суд французского читателя С. М. Перский.

Литература

1. *Адамович А.* Жизненный материал и художественное обобщение / А. Адамович // Вопросы литературы. — 1966. — № 9. — С. 6—8.
2. *Великовский С.* О факте упрямом и факте податливом / С. Великовский // Иностранная литература. — 1966. — № 8. — С. 198—201.
3. *Винниченко И.* Жизненный материал и художественное обобщение / И. Винниченко // Вопросы литературы. — 1966. — № 9. — С. 16—18.
4. *Гинзбург Л.* Жизненный материал и художественное обобщение / Л. Гинзбург // Вопросы литературы. — 1966. — № 9. — С. 21—27.
5. *Горький М.* Собрание сочинений в 25-и томах / М. Горький. — Москва : Наука, 1968. — Т. 1. — 590 с. — Т. 3. — 600 с.
6. *Куприяновский П. В.* Проблемы изучения художественно-документальной литературы / П. В. Куприяновский // О художественно-документальной литературе. — Иваново : Ивановский государственный педагогический институт, 1972. — С. 3—21.
7. *Максимкина Н. Н.* Документальность и документализм в художественном изображении С. Г. Фетисовым Великой отечественной войны / Н. Н. Максимкина // Вестник Чувашского университета. — 2007. — № 3. — С. 292—301.
8. *Мерас И.* Жизненный материал и художественное обобщение / И. Мерас // Вопросы литературы. — 1966. — № 9. — С. 32—34.
9. *Муравьев В. С.* Документальное / В. С. Муравьев // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под. ред. А. Н. Николюкина. — Москва : НПК Интелвак, 2003. — Стб. 234—235.
10. *Павлова Н.* Концепция и художественность документального произведения / Н. Павлова // Иностранная литература. — 1966. — № 8. — С. 187—189.
11. *Палиевский П.* Документ в современной литературе / П. Палиевский // Иностранная литература. — 1966. — № 8. — С. 178—187.
12. *Янская И.* Пределы достоверности : очерки документальной литературы / И. Янская, В. Кардин. — Москва : Советский писатель, 1986. — 432 с.
13. *Persky S.* Dans la steppe / S. Persky ; [Dans la steppe ; Grand-père Arkhip et Lenka ; Le chant du faucon ; Yémélian Pilaïe ; Le khan et son fils ; Sasoubrina ; Makar Tchoudra ; Vingt-six et une ; La vieille Iserguile]. — Paris, 1918. — 273 p.

“Documentality” of the Collection “Dans la Steppe” in S. Persky’s Interpretation

© **Maksimova Tatyana Gennadyevna (2018)**, orcid.org/0000-0002-2241-3135, post-graduate student of the Department of Russian Literature, assistant of the Department of Foreign Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod — National Research University (Nizhny Novgorod, Russia), maksimova.fr@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of the French collection “Dans la steppe” (1902), compiled and translated by S. M. Persky, which includes the following early stories of M. Gorky: “In the steppe”, “Grandfather Arkhip and Lyonka”, “Song of the Falcon”, “Emelyan Pilyai”, “The Khan and his son”, “Notch”, “Makar Chudra”, “Twenty-six and one”, “Old Woman Izergil”. Attention is paid to the preface of the collection written by Persky, in which he names facts from the life of the writer, thereby justifying the choice of stories and characterizing the main feature of the style of Gorky’s early stories, manifested in the synthesis of documentary and artistic, namely, the description of the “autobiographical” space, the component of which is the image of the steppe. The author of the article dwells on the three most exhibitive in this aspect stories: “In the Steppe”, “Grandfather Arkhip and Lyonka”, “Emelyan Pilyai”. The author comes to the conclusion that Persky solves two primary tasks: first, the compiler of the collection acquaints the reader with the facts of Gorky’s biography, and secondly, characterizes the author’s style reflecting the transformation of the documentary style into the artistic one. It is shown that the collection, which includes stories arranged in a certain sequence, represents a story about the writer’s search for his place in life.

Key words: documentality; M. Gorky; S. M. Persky; preface; image of the steppe.

References

- Adamovich, A. (1966). Zhiznenny material i khudozhestvennoye obobshcheniye. *Voprosy literatury*, 9: 6—8. (In Russ.).
- Ginzburg, L. (1966). Zhiznenny material i khudozhestvennoye obobshcheniye. *Voprosy literatury*, 9: 21—27. (In Russ.).
- Gorkiy, M. (1968). *Sobraniye sochineniy v 25-i tomakh*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Kupriyanovskiy, P.V. (1972). Problemy izucheniya khudozhestvenno-dokumentalnoy literatury. In: *O khudozhestvenno-dokumentalnoy literature*. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 3—21. (In Russ.).
- Maksimkina, N.N. (2007). Dokumentalnost’ i dokumentalizm v khudozhestvennom izobrazhenii S. G. Fetisovym Velikoy otechestvennoy voyny. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 3: 292—301. (In Russ.).
- Meras, I. (1966). Zhiznenny material i khudozhestvennoye obobshcheniye. *Voprosy literatury*, 9: 32—34. (In Russ.).
- Muravyev, V. S. (2003). Dokumentalnoye. In: Nikolyukin, A. N. (ed.). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*. Moskva: NPK Intelvak. 234—235. (In Russ.).
- Palievskiy, P. (1966). Dokument v sovremennoy literature. *Inostrannaya literatura*, 8: 178—187. (In Russ.).

- Pavlova, N. (1966). Kontsepsiya i khudozhestvennost' dokumentalnogo proizvedeniya. *Inostrannaya literatura*, 8: 187—189. (In Russ.).
- Persky, S. (1918). *Dans la steppe* [*Dans la steppe ; Grand-père Arkhip et Lenka ; Le chant du faucon ; Yémélian Pilaïe ; Le khan et son fils ; Sasoubrina ; Makar Tehoudra ; Vingt-six et une ; La vieille Iserguile*]. Paris. (In French).
- Velikovskiy, S. (1966). O fakte upryamom i fakte podatlivom. *Inostrannaya literatura*, 8: 198—201. (In Russ.).
- Vinnichenko, I. (1966). Zhiznenny material i khudozhestvennoye obobshcheniye. *Voprosy literatury*, 9: 16—18. (In Russ.).
- Yanskaya, I., Kardin, V. (1986). *Predely dostovernosti: ocherki dokumentalnoy literatury*. Moskva: Sovetskiy pisatel. (In Russ.).